

Живет в Калининграде (Россия).

МЕЖВРЕМЕНЬЕ

Межвременье

Утро – преступно, и с этим поделать нечего:
мятое, мутное, что ни затеешь – поздно.
Вот бы заснуть, по-вампирски воскреснуть к вечеру,
в час, когда ночь в небесах протирает звезды,
лунная кошка из тучи свой хвост спустила,
выгнув дугой – лучезарной, молочно-гладкой,
ветер умаялся за день, прилег без силы
в ворох душистых листьев на взрытых грядках.

Выйти из дома, найти Ориона россыпь –
жезл и корона, насмешливый лед и пламень...
Где-то за дверью, как зверь, притаилась осень,
огненным глазом следит из-за лип и яблонь,

гладит поникшие травы и студит соки,
в землю вливая свой норов, свой страх и нежность,
взглядом кричит, что житья ее вышли сроки,
тронуть рукой на прощание – и исчезнуть.

В сумерках сад – исхудавший, прозрачно-синий:
сбросил одежду, свободно повел плечами –
ржавь уцелевшего яблока на вершине
голые ветки в седой тишине качают,
стынет ручей, чернокрылой ладьей Харона –
мертвая бабочка в мертвой петле побега...
Норны в смятенье. И лишь в темноте ворона
пьяной кукушкой считает часы до снега.

Старый рыцарь

Замок. На каминной полке – постаревшая картина:
Дева, brave рыцарь в латах и поверженный дракон.
Это правда было – только меч заткала паутина,
В погребе доспех запрятан, истину сменил закон.

В пустоши давно истлели полые драконьи кости.
Девичья краса и слабость – остервевшая жена.
И, неделя за неделей, – подати, пиры и гости...
Тошно. Радости осталось – лишь напиться допьяна.

В отблесках – глаза любимой, слава, города, дороги...
Снова жить по чести просто, каждый, кто не враг – тот друг...
Призраки проходят мимо, тая за хребтом порога,
Оставляя пыльный отсвет, горечь и полынный дух.

Боги, как же больно: помнить, прошлому кричать, не слыша,
Солью и туманом млечным в кубке разбавлять вино...
Возятся в загоне кони, время в щели окон дышит,
Из созвездий слово «вечность» в небе собирает ночь.

Звезда

Небо в огне, осень студит душу.
Путник, в степи у костра уснувший:
дым, прогоревших надежд зола...
Кто он? Не царь, не пророк, не воин.
Ряса, на ладанке – пятна крови,
блики в колодцах незрячих глаз.

Шелестом крыльев ковыль расчерчен.

Кажется, мертвые губы шепчут:
«Я не хотел этой доли, Бог!
Просто – чтоб сыты, чтоб все по чести...
Бойня в столице, в огне предместья.
Если бы хроники мог прочесть я –
прожил иначе бы. Если б смог...»

Мутным зрачком тонет в алом солнце.
Пыль по степи черным шлейфом вьется –
стража, на стали – оскал зари...
Поздно. Здесь только ковыль и камни.
Сверив долги, укрывая тайны,
с криком слетает на падаль гриф.

«Добрая сила... война святая...
Блажь несусветная! – лишь вздыхает
ветер, сдувая перо с груди. –
Не помышлявший о зле и фальши,
корку деливший и душу рвавший,
ты и сейчас – как всегда, один».

Умер, как жил – будто шут, нелепо.
Вместо кургана, цветов у склепа –
терн, длинный холм без креста и дат.
Тихо. Лишь дрогнет под птицей ветка.
Вечер, молчанье больного века
и в высоте огневой – звезда.

[Страница автора в сети](#)

